

Юлия Беринг

ТАЛАНТ
СОЗДАЕТ
БУДУЩЕЕ

АКАДЕМИЯ
ИСКУССТВ

АГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

ТЫ БРОСИЛ МОИ РАБОТЫ В ГРЯЗЬ
И НАЗВАЛ ПЛАГИАТОРШЕЙ!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты бросил мои работы в
грязь и назвал плагиаторшей!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты бросил мои работы в грязь и назвал плагиаторшей! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я три месяца создавала уникальный гобелен для элитной Академии искусств. Но богатая однокурсница обвинила меня в плагиате, а Глеб Морозов, жестокий наследник модной империи, поставил мне ноль. — Две недели на новую работу, Алиса. Или отчисление! Он забрал моё портфолио, бросил эскизы в грязь и лишил доступа к мастерским. Я работала ночами, с разбитыми в кровь пальцами, пытаясь спасти своё будущее. А потом обнаружила правду. Глеб знал, что мои разработки крадут! Он использовал меня, чтобы разоблачить богатую соперницу. Но я не собираюсь быть пешкой в его игре. Я создам шедевр, верну своё имя и заставлю всю академию признать мой талант!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты бросил мои работы в грязь и назвал плагиаторшей!

Глава 1

Я чувствовала запах своего успеха. Это был не парфюм, не кофе из автомата и даже не пыль со старых учебников по истории искусств. Это был аромат чистой шерсти, обработанной минеральными красителями, и лёгкий металлический привкус игл, которые я держала во рту, пока натягивала нити. Курсовой макет гобелена «Ночная смена» лежал передо мной на мольберте, как живое существо: переливающиеся тёмно-синие волокна, имитирующие городские огни в дожде, переходили в грубые серые стежки, символизирующие бетонные стены заводов. Я три месяца не спала нормально. Я питалась лапшой быстрого приготовления и страхом. Но сейчас, стоя перед комиссией в главном зале Академии прикладных искусств, я знала: я победила.

— ...как вы видите, техника двойного утка позволяет создать эффект объёма без использования подложки, — мой голос звучал уверенно, хотя колени предательски дрожали под тонкой юбкой. Я указала на фрагмент узора, где синяя нить словно растворялась в серой ткани. — Это старинная техника ткачества, адаптированная под современные материалы...

— Кривые стежки.

Голос прозвучал резко, как щелчок хлыста. В зале повисла тишина, такая плотная, что можно было услышать, как гудят люминесцентные лампы. Вика Лазарева сидела в первом ряду, закинув ногу на ногу. Её белый костюм сиял так ярко, что резал глаза. Она даже не подняла головы от телефона, но её губы скривились в презрительной усмешке.

Я сглотнула ком в горле.

— Простите? — спросила я, сохраняя вежливость, которую мне внушали с детства в провинциальной мастерской деда.

— Стежки кривые, Алиса, — Вика наконец посмотрела на меня, и в её карих глазах плескалось чистое, концентрированное отвращение. — Твои углы не совпадают. И этот синий... он слишком грязный для элитного дизайна. Пахнет деревней.

Внутри меня вспыхнула злость, горячая и колючая, но я подавила её. Нельзя показывать эмоции перед комиссией. Нужно объяснять технику.

— Это не грязь, это окисленный индиго, — начала я, делая шаг к мольберту. — Если посмотреть через призму...

— Посмотрим, — перебила она снова. Вика достала телефон и повернула экран к декану и остальным членам комиссии. — Вот. Архив отца. Гобелен XVII века. Узор идентичен тому, что ты назвала «собственной адаптацией». Совпадение? Или плагиат?

На экране мелькнули фото старинного полотна. Моё сердце пропустило удар. Нет. Это невозможно. Я использовала мотивы народных сказок, а не музейные экспонаты. Но сходство линий было пугающим. Комиссия переглянулась. Декан, отец Вики, нахмурился, поправляя очки.

Тут вмешался Глеб Морозов.

Он сидел чуть в стороне, в чёрном пальто, которое стоило больше, чем моя годовая стипендия. Он молчал всю защиту, наблюдая за мной своими холодными, почти прозрачными глазами. Сейчас он поднялся. Не глядя на меня, он подошёл к столу, где лежало моё портфолио — папка с эскизами, расчётами плотности нитей и фотографиями процесса.

Он схватил её одной рукой.

— Верните! — я рванулась вперёд, забыв о протоколе. — Там мои черновики! Вы не имеете права...

Глеб перехватил мою руку. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья с силой, которая заставила вздохнуть от боли. Кожа была ледяной, сухой и неприятной. Он не дёрнул меня назад, просто остановил, удерживая на месте. Я почувствовала, как его дыхание коснулось моего уха. Запах дорогого табака и чего-то горького, лекарственного.

— Не трогай то, чего не понимаешь, — прошептал он тихо, только для нас двоих. В этих словах не было угрозы наказания. В них было предупреждение хищника, который играет с добычей, решая, стоит ли та вообще усилий.

Он развернулся к комиссии, всё ещё удерживая моё запястье, и бросил папку на стол с глухим стуком.

— Плагиат в искусстве — это смерть, — произнёс декан, глядя на дочь с одобрением. — Алиса Ветрова, вы понимаете серьёзность обвинений?

— Я ничего не крала! — мой голос сорвался на визг. — Я изучала фольклор! Эти узоры встречаются в разных культурах! Это базовый геометрический паттерн!

— Тишина.

Слово Глеба упало как кирпич. Он отпустил моё запястье, и я едва не упала, теряя равновесие. Он посмотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде не было ни злости, ни интереса. Только скука.

— Ты уже проиграла этот раунд, — сказал он спокойно, возвращаясь на своё место.

Комиссия зашумела. Студенты на балконе начали шептаться. Я стояла посреди зала, чувствуя, как горят щеки, как дрожат пальцы, ставшие вдруг бесполезными. Хотелось заплакать, упасть на колени и умолять. Но я выпрямила спину. Ни один волосок не выбился из моей строгой косички. Я не дам им этого удовольствия.

Глеб взял ручку. Красную. Жирную.

Он не стал обсуждать детали. Не стал проверять архивы. Просто открыл ведомость и поставил цифру. Крупную. Округлую. Пустую внутри.

Ноль.

Он поднял голову, встретившись со мной взглядом.

— Повторный курсовой проект. Две недели. Или отчисление без права восстановления. Следующий.

Зал взорвался шёпотом. Я не слышала слов. Я видела только красный ноль, плывущий перед глазами. Ошибка. Они ошибаются. Я знаю, что я права.

— Вы ошибаетесь, — сказала я громко.

Глеб усмехнулся. Это была крошечная, опасная улыбка.

— Ошибается тот, кто верит в свою правоту без доказательств. А у тебя их нет. Есть только упрямство. И оно тебе не поможет.

Я вышла из зала, не оборачиваясь. Марк Дорн, студент архитектуры, сидевший в дальнем углу, попытался встать. Он протянул мне салфетку, на которой было написано карандашом: «Держись». Охранник у двери мягко, но настойчиво заблокировал его жест, положив руку на плечо.

«Нельзя», — прочитала я по его губам.

Марк замер, опустив глаза. Он тоже боялся системы. Боялся Глеба. Я осталась одна. Абсолютно, тотально одинокая.

В коридоре у шкафчиков толпа студентов расступалась передо мной, как вода перед камнем. Кто-то хихикнул. Кто-то демонстративно отвернулся.

И тут Вика.

Она вышла из кабинета декана, держа в руках чашку капучино. Мы столкнулись плечами. Она не извинилась. Наоборот, она сделала шаг навстречу, и её локоть толкнул меня в грудь, отбрасывая к металлическим дверцам шкафчиков.

Бац.

Отдельные эскизы, не попавшие в папку, которые я несла под мышкой, вылетели из рук и рассыпались по полу. Бумаги легли белыми квадратами на грязный кафель.

Вика посмотрела вниз, потом на меня. Её лицо было маской безразличия.

— Аккуратнее, Алиса. Пол скользкий.

Она наклонилась, чтобы поднять один листок. Поднесла его к носу, вдыхая запах моей краски.

— Спасибо, что очистила место для меня, — прошептала она так тихо, что я еле расслышала сквозь гул в ушах. — Твой стиль мне был нужен. А теперь он будет моим.

Она бросила листок обратно, наступила на него каблуком и ушла, оставив после себя шлейф дорогих духов и ощущение физической грязи.

Доказательств нет. Свидетелей нет. Есть только факт: она знает, что делает. И Глеб позволил ей это сделать.

Я вернулась в общежитие, когда солнце уже садилось за горизонт, окрашивая небо в цвет синей нити, которую я не успела закрепить на станке.

Моя комната в блоке для стипендиатов была крохотной: койка, стол, шкаф.

Я открыла дверцу шкафа.

Пусто.

Коробки с шёлковыми нитями исчезли. Набор игл, подаренный дедом на совершеннолетие, лежал на дне, но сам шкаф был выметен начисто. Мои заготовки ткани, красители, инструменты — всё пропало.

Я обыскала комнату. Заглянула под кровать, в тумбочку, за радиатор. Ничего. Даже обрывков ниток.

Отчаяние накатило волной, холодной и тяжёлой. Без материалов я не смогу выполнить требование Глеба. Две недели — это срок, чтобы создать шедевр, если у тебя есть ресурсы. У меня нет ничего. Ни репутации, ни денег, ни поддержки.

Я села на пол, прислонившись спиной к стене. Голова кружилась. Хотелось спать. Просто лечь и не просыпаться.

Но что-то царапнуло внимание.

У порога, между дверью и полом, торчал уголок бумаги. Белый прямоугольник, выбившийся из общего хаоса.

Я поползла к нему на четвереньках. Руки тряслись.

Подняла записку. Почерк был знакомым. Резкий, угловатый, без лишних украшений. Чернила были черными, матовыми.

«Если хочешь жить — найди способ работать без рук. Или уходи».

Без подписи. Но я узнала бы этот стиль где угодно. Это было послание от Глеба.

Не угроза. Не насмешка.

Это был вызов.

Странное чувство скользнуло внутри меня, заменив страх. Почему он оставил записку? Почему не приказал охране выселить меня прямо сейчас?

«Работать без рук».

Это метафора? Или инструкция?

Он знал, что я не сдамся. Он проверял меня. Как металл на прочность. Как ткань на разрыв.

Его жестокость имела цель. Он хотел увидеть, что я сделаю, когда меня загонят в угол. Он хотел сломать меня или закалить. Пока я не знала, какой путь он выбрал.

Я смяла записку в кулак, чувствуя, как бумага режет ладонь. Боль была приятной. Она возвращала реальность.

Я вспомнила архив академии. Тот самый закрытый склад, где хранились списанные станки и забытые шаблоны XIX века. Глеб запретил туда входить студентам первого курса. Сказал, что там опасно. Что там рушатся конструкции.

Но там могли быть материалы. Старые, пыльные, никому не нужные. Но настоящие.

И там могла быть правда. Про Вику. Про кражи.

Я посмотрела на часы. 23:45.

Архив запирали в полночь. Но служебный вход со стороны пожарной лестницы всегда заедал. Я знала это, потому что однажды видела, как Марк выходил оттуда с чертежами.

Алиса Ветрова умерла сегодня днем. Студентка-плагиатор. Пария.

Но человек, который выживал в глубинке, который учился вязать крючком на морозе, чтобы не замёрзнуть, — тот человек только начинал дышать.

Я встала. Колени хрустнули. В животе урчало от голода, но я чувствовала странную легкость.

Надела куртку, засунула руки в карманы, чтобы согреть пальцы.

Завтра ночью я пойду туда.

Я знаю, куда идти.

И я знаю, что там меня ждут не только документы и старые катушки с нитками.

Там меня ждёт тень Глеба Морозова.

И я собираюсь проверить, насколько длинна эта тень.

Глава 2

Воздух в холле Академии прикладных искусств пах воском, дорогим кофе и свежей кровью. Я чувствовала её вкус на языке — металлический, горький привкус унижения. В тот день, за двадцать минут до этой встречи в холле, закончилась защита моего курсового макета, но эхо моего позорного провала всё ещё гуляло между мраморными колоннами, отражаясь от глянцевых стен.

Студенты расступались передо мной. Не из уважения к чужой боли, а как перед прокажённой. Их глаза скользили по мне, оценивая степень заражения: «Это она? Та самая деревенщина, которая посмела копировать старинный узор?»

— Алиса Ветрова, — голос Виктории Лазаревой звенел, как хрусталь о стекло. Она стояла в центре группы своих подруг, скрестив руки на белоснежном пиджаке. — Ты даже не пыталась отрицать. Просто молчала, пока комиссия ставила тебе ноль. Позор. Для всей академии. И для тебя лично.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была точной, чистой и отвлекающей. Лучше физическая боль, чем та липкая волна стыда, которую Вика старательно выливали на меня. Я не ответила. Просто подняла подбородок, заставляя себя дышать ровно, через нос, игнорируя учащённый пульс в висках. Моё молчание должно было стать стеной. Но стены трескаются.

— Что ты на это скажешь, плагиаторша? — Вика шагнула ближе, и её духи — тяжелые, сладкие, приторные — ударили мне в лицо. — Признавайся. Тебе стыдно?

Я прошла мимо неё. Плечом к плечу. Холод её ткани коснулся моего рукава, и я дернулась, будто обожглась. В зале повисла тишина, а затем кто-то хмыкнул. Смех был тихим, но он резал уши сильнее крика.

Моя цель была одна — раздевалка. Шкафчик №407. Там лежали мои учебники, запасная тетрадь с эскизами и немного наличных. То небольшое, что осталось от жизни студентки первого курса, превратившейся в изгнанника за один вечер.

Но путь к шкафчикам преграждал дежурный. Дима, парень с третьего курса архитектуры, обычно приветливо улыбающийся всем, сегодня смотрел сквозь меня. Его поза выражала абсолютное равнодушие бюрократии.

— Проход закрыт, — сказал он монотонно, не отрывая взгляда от своего телефона.

— Мне нужно забрать вещи, — мой голос дрогнул, и я возненавидела себя за это. Нужно было звучать твердо. Командовать. Но горло перехватило спазмом. — Дима, пропусти. Это приказ куратора? Нет. Это личная месть декана. Пустите меня.

— Приказ сверху, — повторил он, наконец поднимая глаза. В них не было злобы, только пустота исполнителя. — Доступ к вещам студентов, находящихся под следствием дисциплинарной комиссии, заблокирован до окончания разбирательства. Или до отчисления. Что быстрее случится.

За его спиной раздался гул смеха. Кто-то из группы Виктории громко процитировал моё выступление на защите, имитируя мой акцент. Звук был похож на удар битой по стеклу.

Я попыталась пройти мимо Димы, но он сделал шаг навстречу, блокируя проход корпусом. Институт оказался крепче человеческой злобы. Стена. Гладкая, серая, непробиваемая стена правил, написанных не для того, чтобы защищать справедливость, а чтобы удобрять почву для произвола.

— Пропусти! — я повысила голос, чувствуя, как щёки полыхают жаром.

— Алиса, тихо, — мягкий, почти неуверенный голос. Марк Дорн появился сбоку, делая шаг ко мне. Он был высоким, худым, с вечным пятном графита на пальцах. Его глаза, обычно

спокойные и внимательные, сейчас метались между мной и толпой. — Уходи отсюда. Сейчас. Они снимают.

Он протянул руку, чтобы коснуться моего локтя, словно предлагая спасение. На секунду я почувствовала облегчение. Союзник. Человек, который видел детали, а не фасад.

Но взгляд Виктории упал на наши сближающиеся руки.

— О-о, посмотрите! Наш тихий архитектор тоже замешан? А может, он помогал ей рисовать эти... «украденные» узоры? Грязь на грязь. Как романтично.

Шепотки мгновенно мутировали в визг. Марк замер. Его рука зависла в воздухе, опущенная, как сломанная ветка. Я видела, как его лицо побледнело. Он готов был рискнуть своей репутацией ради меня. И именно поэтому я должна была его остановить.

Я резко отдернула руку, отшатываясь назад. Мой жест был грубым, отталкивающим.

— Не трогай меня, — процедила я, глядя прямо в его глаза. — Иди отсюда, Марк. Если ты хочешь сохранить место в этом дерьме, не связывайся со мной.

Его лицо исказилось от недоумения и боли, но он не спорил. Толпа уже начала снимать на телефоны. Если бы мы остались вместе, завтра утром видео с подписью «Партнёры плагиатора» обошло бы все чаты. Я отвернулась, оставляя его стоять посреди холла, одинокого и преданного моим же решением.

Я не оглядывалась. Телефон в кармане завибрировал снова и снова, но я не доставала его: писать было нечего. Морозов забрал моё портфолио — значит, ему от меня что-то нужно. Значит, торг ещё не окончен, и ход за мной.

Мастерскую текстиля в этот час миновал даже дежурный охранник. Я закрыла за собой дверь, прислушалась к тишине — и замерла.

Мастерская текстиля была пуста. Точнее, почти пуста. В дальнем углу, за станком, сидел Глеб Морозов.

Свет ламп дневного спектра делал его кожу фарфорово-бледной, а тень от ресниц — длинными полосами на скулах. Он перебирал мои работы. Мои эскизы, мои вышивки, мои чертежи. С тем же безразличием, с каким коллекционер перелистывает страницы дешёвого журнала.

— Ты пришла, — не оборачиваясь, констатировал он. Его голос был низким, бархатистым и опасным.

— Верни портфолио, — сказала я. Голос сорвался, но я добавила в него сталь. — Это мои документы.

Глеб медленно развернулся. В руках он держал мою папку — синюю, потрёпанную, с надписью «А. Ветрова». Он встал и подошёл к мусорному баку в центре комнаты. Металлический звук крышки бака прозвучал как похоронный колокол.

— Знаешь, почему ты проиграла, Алиса? — спросил он, глядя на меня сверху вниз. От него пахло сигаретами, сандалом и холодным воздухом зимней улицы. — У тебя нет вкуса. Только ремесло. Ты умеешь делать красиво, но ты не понимаешь почему это работает. Ты копируешь форму, но теряешь суть. Старый гобелен — это не узор. Это история боли. А у тебя... просто нитки.

Он поднес папку к краю бака.

— Выбросишь их? — прошептала я. Сердце колотилось где-то в горле.

— Возможно.

И тогда что-то сломалось внутри меня. Не разум, а инстинкт. Я бросилась на него. Не как на врага, а как зверь, загнанный в угол. Я схватила папку, впиваясь ногтями в картон.

Глеб не отшатнулся. Он перехватил моё запястье. Его пальцы были холодными и сильными, как тиски. Одно движение — и он прижал меня к стене. Спина к шершавому кирпичу. Лицо к лицу.

Я задыхалась от его близости. Его дыхание коснулось моих губ. Запах парфюма окутал меня плотным коконом.

— Ещё одно движение, — прошипел он мне в ухо, и я почувствовала, как его зубы чуть царапнули мочку уха. Боль была острой, внезапной. — И я сделаю так, что ты никогда не сможешь держать иглу. Ни одной. Даже если будешь просить на коленях.

Мысли путались. Страх смешался со странным, тошнотворным возбуждением власти, которую он надо мной имел. Физическое доминирование было абсолютным. Я была маленькой, слабой и целиком в его власти.

Он отпустил меня так же резко, как взял. Я сползла по стене, тяжело дыша, сжимая покрасневшее запястье.

Папка осталась у него.

— Теперь это материал для разбора ошибок, — сказал Глеб, кладя папку на стол рядом с собой. Он больше не смотрел на меня. Смотрел в окно. — Читай свои нотации, пока я не решил, стоит ли давать тебе шанс исправиться. Или лучше отправить тебя обратно в твою глушь.

Я вцепилась руками в край стола, костяшки пальцев побелели. Без портфолио я не могла доказать свою невиновность. Ни свидетелям, ни комиссии, ни самой себе. Глеб знал это. Именно поэтому забрал их.

Я выпрямила спину. Боль в руке, страх, унижение — всё это сгорало в печи злости, которая начинала разрастаться во мне, заполняя пустоту, оставленную потерей статуса.

— Вы украли у меня не работу, Глеб, — произнесла я. Каждый слог давался с трудом, но я не отводила глаз. — Вы украли у меня время. И я верну его с процентами.

Он усмехнулся. Коротко, сухо. Не поверил. Но заметил.

Глава 3

Выход из здания академии встретил меня стеной дождя. Ноябрьский ливень, холодный и злой, хлестал по лицу, стекал за воротник куртки, пропитывал обувь насквозь.

Я шла к общежитию, механически переставляя ноги. Мир вокруг размылся в серый акварельный фон. Мысли были заняты одним: как достать папку? Как найти доказательства против Виктории? Как вообще выжить в этой системе, которая жевала таких, как я, и выплёвывала кости?

На третьем этаже общежития, напротив окна моей комнаты, мелькнуло движение. Темная фигура. Я остановилась, прищурившись сквозь пелену дождя.

Чья-то сумка вылетела из открытого окна.

Она упала на мокрый асфальт с глухим звуком, открывая клапаны. Из неё высыпались учебники, одежда, кошелек. Всё, что осталось у меня после блокировки шкафчика. Моя жизнь, выброшенная на помойку.

Я рванула туда. Ноги скользили по лужам. Я бежала, не разбирая дороги, пока не споткнулась о бордюр и рухнула на колени в грязь. Ледяная жижа проникла сквозь ткань джинсов, обжигая кожу.

Боль была ничтожна по сравнению с той яростью, что поднималась из желудка. Я ползла по асфальту, собирая книги. Одна страница порвалась. Другая намокла и слиплась. Деньги, которые я сэкономила на еду целый месяц, разлетелись по лужам, превращаясь в серую кашу.

Губа была разбита. Я чувствовала солоноватый привкус крови во рту, смешанный с водой из лужи. Я не плакала. Слезы были роскошью, которую я не могла позволить. Вместо этого я скрипела зубами, выдёргивая из грязи клочки своих вещей.

Телефон в кармане завибрировал. Один раз. Два. Три.

Я дрожащими, испачканными грязью пальцами вытащила его. Экран светился тускло, подсвечивая мое искаженное лицо в отражении стекла.

Уведомление от анонимного аккаунта академического чата курса:

«Привет из ада, плагиаторша. Фото для вдохновения.»

Ниже была фотография. Моя сумка. Разбросанные вещи. Я сама, лежащая в грязи. Ракурс сверху. Идеальный кадр для сторис.

Под постом уже набегали лайки. Десятки. Сотни. Комментарии сыпались как снег:

«Логично»

«Сама виновата»

«Красиво получилось, как в кино про падение грешников»

Вика. Это была работа Виктории. Она следила. Она знала. Она ждала момента, когда я буду наиболее уязвимой.

Я подняла голову. Вокруг меня уже собрались студенты. Кто-то с зонтиками, кто-то просто под дождем. Телефоны были направлены на меня. Экраны светились: они снимали каждую каплю воды, каждую рану, каждое унижение.

Я увидела Викторию. Она стояла чуть в стороне, под навесом входа, с бокалом горячего чая в руках. Её лицо светилось триумфом. Белым, стерильным, уверенным.

Глеб наблюдал из окна второго этажа академического корпуса. Сквозь стекло, сквозь ливень. Его силуэт был неподвижен. Руки скрещены на груди.

Толпа ждала слёз. Ждала истерики. Ждала подтверждения того, что они правы: я грязь, я ошибка, я должна исчезнуть.

Я посмотрела в камеру ближайшего телефона. Прямо в объектив.

Закрываюсь? Нет.

Плачу? Нет.

Я улыбнулась.

Это была не веселая улыбка. Не добрая. Страшная, пустая, вызывающая. Улыбка человека, которому нечего терять. Улыбка хищника, который понял, что загнанный в угол зверь опаснее всего.

Страх исчез. Исчез стыд. Исчезла боль.

Остался только голод.

Я медленно встала, вытирая руки о штаны, оставляя разводы грязи на ткани. Телефон продолжал вибрировать, уведомления множились, как клетки рака. Но я больше не читала их.

Я посмотрела на Вику. Её улыбка погасла. Она ожидала жертву, а увидела противника.

Я посмотрела на Глеба. Его глаза сузились. Интерес. Опасный, живой интерес.

Впервые за этот адский день я почувствовала не боль, а азарт. Голод по тому моменту, когда они все будут умолять меня простить их. Когда они будут стоять в такой же грязи, как я сейчас, и смотреть на меня снизу вверх.

Я подобрала последнюю тетрадь с эскизами. Она была мокрой, чернила поплыли, но линии узора остались читаемыми. Мои линии. Мой метод.

— Запоминайте, — сказала я тихо, но в наступившей паузе мой голос прозвучал четко, как выстрел. — Это только начало.

Дождь усилился, смывая кровь с губы, но не смывая решимость. Я развернулась и пошла прочь от толпы, от камеры, от академии. Шаги были твердыми.

Я не знала, где буду ночевать. Не знала, как достану портфолио. Не знала, как докажу правду.

Но я знала одно: я больше не жертва обстоятельств. Я стала частью механизма разрушения. И первым, кого я сломаю, будет тот, кто считает себя богом этой игры.

Вика захлопнула рот. Глеб отвернулся от окна.

А я вышла за пределы кампуса, в темноту и холод, чувствуя, как внутри меня загорается маленькое, злое пламя. Оно грело лучше любой одежды.

На следующий вечер карман оказался пустым: ключа не было. Я шарила пальцами по подкладке куртки, чувствуя лишь холодную ткань и липкую влагу от дождя, который начал моросить за окном академического общежития. Комната 312. Моя крепость. Мой запасной аэродром с катушками ниток, эскизами и хоть какой-то надеждой на то, что завтра я снова буду человеком, а не мусором.

Я постучала. Сначала вежливо, потом кулаком, потом ногами. Из-за двери донесся приглушенный смех — звонкий и безжалостный, которым смеются те, кто считает себя выше остальных. Шуршание бумаги. Скрип стульев. Они там. Внутри. Живут моей жизнью, пока я стою снаружи, промерзшая до костей.

— Откройте! — мой голос сорвался на хрип, но в нем была сталь. Не мольба. Требование.

Дверь открылась. Но не соседка Даша, с которой мы делили чай и сплетни о преподавателях. На пороге стояла дежурная по этажу, тетка лет пятидесяти с лицом, высеченным из гранита скуки. За её спиной мелькнула знакомая спинка Дашиного кресла и разбросанные листы — мои эскизы? Нет, просто бумага. Чужая.

— Карантин, — отрезала она, даже не взглянув на меня.

— Какой карантин? Это моя комната.

— Приказ деканата. Подозрение в хищении материалов у студентов группы Лазаревой. Вещи изъяты для проверки. Доступ ограничен до окончания служебного расследования.

Вика. Конечно, Вика. Она не просто обвинила меня в плагиате, она превратила меня в вора в законе внутри этой золотой клетки.

— Мне нужны иглы. Хотя бы базовые нитки, — я попыталась просунуть голову между дверью и плечом вахтерши.

— Не положено. Иди спать, студентка. Или лучше не иди, если статус заморожен. Тебе негде спать.

Дверь захлопнулась перед моим носом с таким звуком, будто мне вырвали сердце.

Я развернулась и побежала по коридору. Нужно было вниз. В подвал. Там хранились старые станки, обрезки тканей, всё то, что считалось «хламом» для дизайнеров, но было золотом для таких, как я. Коридор второго этажа превратился в минное поле. Группа девушек с факультета графического дизайна разложила свои работы прямо на полу. Акварели, скетчи, принты — они образовали живой барьер вокруг центральной лестницы.

— Уберите ноги от святого! — визгливо крикнула одна из них, когда я шагнула ближе. — Вы топчете наши дипломы!

— Это пол, а не галерея, — процедила я сквозь зубы, переступая через их рисунки. Мои подошвы скользили по гладкой поверхности, но я не останавливалась. Каждый шаг был актом неповиновения.

Одна из девушек, та, что повыше, толкнула меня плечом. Грубо, расчетливо. Я пошатнулась и упала. Прямо в лужу. Горячий кофе, пролитый кем-то специально посреди прохода, обдал меня брызгами. Темные пятна расплывались по моей светлой блузке, смешиваясь с водой и грязью. Кофе пах горечью и унижением.

Поднявшись, я увидела улыбки. Не злодейские, а равнодушные. Для них я уже не человек. Я объект наблюдения. Экспериментальная мышь в лабиринте чужого тщеславия.

Глава 4

Я побрела дальше, к лестнице в подвал. Холод пробирался под мокрую одежду, заставляя мышцы сводиться судорогой. В подвале пахло плесенью и пылью. Контейнеры для отходов были пусты. Абсолютно. Их вымыли начисто, оставив только влажные разводы. А на стене, побеленной мелом, красовалась надпись: «Мусор для мусора».

Сердце заколотилось где-то в горле. Надежда таяла быстрее, чем снег на горячем стекле.

Из тени, откуда-то из-за штабеля старых коробок с архивными образцами, вышел Марк. Он выглядел таким же потрёпанным, как и всегда: растянутый свитер, растрепанные волосы, глаза, которые смотрят не на тебя, а сквозь тебя. В руках он держал пачку дешевой бязи и катушку черной нитки. Мое спасение. Маленькое, жалкое, но реальное.

Он протянул их мне. Пальцы коснулись моих, теплые и сухие. На секунду мир замер. Мысли о том, что есть еще кто-то, кто видит во мне личность, а не ошибку, вспыхнули ярким светом.

Но тут в конце коридора скрипнула дверь лифта. Шаги. Ритмичные, тяжелые, уверенные. Глеб Морозов. Его голос слышен даже здесь, в глубинах земли.

Марк вздрогнул. Его глаза метнулись к темноте, затем ко мне. Страх исказил его лицо, стирая ту тихую поддержку, которую он предлагал. Он резко забрал ткани обратно, пряча их за спину, и растворился в тенях раньше, чем я успела открыть рот. Оставив меня с пустыми руками и разбитым сердцем.

Глеб прошел мимо, даже не посмотрев вниз. Ему не нужно было видеть меня, чтобы знать, что я здесь.

Ночь продолжалась. Я вышла на улицу, в курилку за зданием корпуса «А», где дымил старый профессор Иван Петрович. Добродушный старик, который всегда угощал меня конфетами и говорил, что талант важнее денег.

— Иван Петрович, — мой голос дрожал, но я держалась. — Мне нужен доступ к кладовой. Хоть час. Я восстановлю курсовую вручную, если дадите нитки. Просто нитки.

Профессор не поднял глаз. Он затянулся сигаретой, выпуская кольцо дыма в сырое небо.

— Система есть система, Алиса. Правила есть правила. Если я дам тебе ключ, меня уволят. Без пенсии. Ты понимаешь?

— Я понимаю, что вы боитесь, — сказала я тихо.

— Боюсь реальности, — парировал он.

Я стянула с себя мокрую куртку. Ветер ударил в тонкую блузку, и я задрожала всем телом, зубы выбивали дробь. Мне не нужна была ваша помощь, мне нужно было ваше слово. Одно простое человеческое слово: «Я верю».

Иван Петрович вынул изо рта недокуренную сигарету. Посмотрел на неё, потом на мои дрожащие руки. И вместо того, чтобы сделать ещё затяжку, он бросил её прямо в лужу у моих ног. Шипение, пар, презрение. Он повернулся и скрылся в здании, захлопнув дверь так, что створки затряслись.

Я осталась одна на ветру. Холод проникал внутрь, вымораживая остатки оптимизма.

Вернувшись в холл общежития, где из-за ремонта толпились студенты, я увидела свободный столик. Только стол. Ни стульев, ни ламп. Идеальное место, чтобы переписать эскизы по памяти, пока они не выветрились из головы. Я опустилась на пол у стола, доставая единственный сохранившийся карандаш из-за пазухи.

Тень легла на блокнот. Высокий каблук. Белый костюм, безупречно чистый. Вика Лазарева.

Она молча поставила свой дорогой термос из матового стекла прямо на мои записи. Тяжелый предмет сдвинул карандаш, и незакрученная крышка термоса соскользнула. Кипя-

щий чай выплеснулся на мои пальцы. Боль была острой, мгновенной, обжигающей. Я вскрикнула, отдергивая руку, но не смогла остановиться. Ярость затмила разум. Я схватила термос и с силой ударила им об стол.

Звон стекла разнесся по всему холлу. Все головы повернулись. Чай тек по столешнице, смешиваясь с осколками.

Вика не кричала. Не ругалась. Она улыбнулась своей фирменной, холодной улыбкой.

— Ты только что сломала мой термос на пять тысяч рублей, — произнесла она ровно. — Теперь ты должна мне деньги. Или работу. Выбирай, швейная машинка.

У меня не было ни денег, ни работы. Была только брошь бабушки. Золотая, с фианитом, единственная вещь, которая связывала меня с прошлым, с домом, с тем, кто я есть на самом деле.

Я направилась к ресепшену. Охранник, крупный мужчина в форме, смотрел на меня поверх монитора.

— Есть ломбард рядом? Или покупатель? — спросила я, снимая брошь с груди.

— Правила кампуса запрещают частную торговлю, — буркнул он, не глядя на украшение. — Иди спать, девочка.

— Я оставлю это как залог. За бумагу и ручку. Пожалуйста.

Он взял брошь. Медленно. Будто проверяя вес золота. Потом положил её в карман жилетки.

— Залога нет, — сказал он, отводя взгляд. — Бумага кончилась. Иди спать.

Он украл её. Прямо у меня на глазах. Никто не вмешался. Никто не заметил. Мир перевернулся, и я осталась без прошлого, без будущего, без настоящего.

Библиотека была последним пристанищем. Свет уже гас, когда я забралась под окно, чтобы рисовать пальцем на запотевшем стекле. Формулы плетения. Раппорты. Узлы. Мои руки тряслись от голода и холода, но я чувствовала ритм. Единственную вещь, которую у меня нельзя было отнять.

Вдруг свет погас окончательно. Тьма накрыла зал с головой.

— После двадцати двух часов вход запрещен, — голос библиотекариши эхом отразился от стеллажей. — Уходите.

— Я не могу уйти. Мне некуда идти, — прошептала я в темноту.

Шаги приблизились. Луч фонарика выхватил из мрака контуры книжных шкафов, затем мои руки, прижатые к стеклу. Я инстинктивно закрыла глаза, ожидая окрика или удара.

Но света стало больше. Луч задержался на моём рисунке на стекле.

— Ты забыла третью петлю в раппорте, — голос был низким, бархатным, но в нем не было злобы. Было странное, почти болезненное любопытство.

Я открыла глаза. Глеб Морозов стоял напротив, держа фонарь так, чтобы свет бил мне в лицо, оставляя его самого в тени. Его силуэт искажался, становясь то гигантским, то крошечным.

— Если ты ошибешься здесь, ткань порвется на первой же стирке, — продолжил он, делая шаг ближе. Запах дорогого табака и озона окутал меня. — Ты хочешь быть слабой или хочешь быть правой?

Его вопрос повис в воздухе, тяжелый и неотвратимый. Это не была насмешка. Это был вызов. И в луче фонарика, падающем на стекло, я увидела не только свою ошибку. Я увидела тень за его спиной. Тень человека, который наблюдал за этим диалогом. Тень Виктории, затихшей в углу читального зала.

Изоляция закончилась. Началась другая игра. Где одним баллом дело уже не обходилось.

Глава 5

Следующим вечером я снова спряталась в библиотеке. Стоило скрипнуть двери, и я застывала с карандашом над листом.

Стены здесь были толстыми, как в бункере, и именно поэтому я выбрала это место для своей партизанской войны. В 21:50 охранник, дородный мужчина с лицом, обтянутым серой кожей, начал свой вечерний обход. Его фонарь выхватывал из полумрака корешки редких фолиантов — моих врагов и союзников одновременно. Мне нужно было время. Меньше двух недель до повторной защиты курсовой. Нужно было восстановить эскизы, которые Глеб Морозов буквально вырвал у меня из рук, назвав «плагиатом».

Я юркнула между стеллажами раздела «Текстильное искусство XVIII века», где свет не доставал даже в обед. Но вахтерша Зинаида Петровна, женщина с глазами совы и языком змеи, заметила шевеление.

— Алиса? — её голос прозвучал слишком громко в тишине. — Что ты тут делаешь? Пропуска нет. И вообще, после инцидента в актовом зале тебе сюда вход заказан. Декан лично распорядился.

Сердце колотилось так, что, казалось, оно вот-вот выпрыгнет из горла. Если она вызовет охрану, меня отчислят за нарушение режима доступа. Конец игры. Но я знала систему. Я знала, что декан Лазарев боится одного человека больше всего на свете — своего сына, который сейчас был где-то в Европе. А еще он боялся Глеба.

Я выпрямилась, стряхивая несуществующую пыль с куртки, и посмотрела на Зинаиду с той холодной надменностью, которую мне приходилось натягивать, как маску.

— Проверка библиографии по указанию декана, Зинаида Петровна, — солгала я ровным, скучающим тоном. — Глеб Сергеевич просил срочно сверить описи ленточных узоров для его личной коллекции. Вы хотите звонить ему посреди вечерней работы и объяснять, почему студентка не выполнила поручение куратора факультета?

Лицо вахтерши дернулось. Страх перед именем Морозова работал безотказно. Она хмыкнула, отвернулась и пошла дальше, шаркая тапками.

Я выдохнула. Блеф удался. Но победа была пирровой. Руки предательски дрожали.

В темноте читального зала, среди старых карт и атласов орнаментов, ко мне вернулась паника. Унижение в актовом зале всплывало перед глазами: смех студентов, холодный взгляд Глеба, красный ноль в ведомости. Я схватилась за карандаш, но пальцы соскользнули. Линии выходили кривыми, дрожащими мазками. Ярость затопила меня — ярость на свою слабость, на то, что они сломали меня быстрее, чем я ожидала.

«Ошибка — это часть процесса», — вдруг вспомнился голос деда. Так он говорил, когда я впервые испортила основу.

Я остановилась. Перестала пытаться рисовать идеальные эскизы. Вместо этого я начала набрасывать ошибки. Где рвалась нить. Где цвет ложился неправильно. Где нарушалась симметрия. Превращая хаос в структуру, я успокаивалась. Каждый неверный шаг становился частью плана. Это было грязно, некрасиво, но это было мое.

И тут экран телефона погас. Батарея села в самый неподходящий момент, когда я пыталась сфотографировать старый журнал учета выдачи материалов, где виднелись следы вмешательства Виктории Лазаревой. Темнота стала абсолютной. Шаги в коридоре раздались снова, но теперь они были мягкими, осторожными.

Из тени стеллажей вышел Марк Дорн.

Он молча протянул мне пауэрбанк. Никаких вопросов, никаких жалостливых взглядов. Просто жест человека, который нашел тебя в яме и решил не спускать лестницу, а прыгнуть туда сам.

— Ты живая? — спросил он тихо.

— Почти, — ответила я, подключая телефон. Экран засветился, озаряя его уставшее лицо. Архитектор. Тот самый парень, который единственно заметил, что мой узор не скопирован, а пересобран.

Марк сел рядом за стол, открывая свой рюкзак. Он достал не еду, не одежду, а блокнот с чертежами.

— Я слышал, что ты потеряла доступ к мастерским, — сказал он, не глядя на меня. — Но ты забыла одну вещь, Алиса. Ткань — это математика. Структура переплетения подчиняется законам статики. Если нет станков, можно рассчитать нагрузку на нить.

Я посмотрела на его схемы. Нагрузка на основу. Коэффициент трения волокна. Это было сложно, абстрактно, но это давало шанс. Мы сидели вдвоем за библиотечным столом, и впервые за эти дни я почувствовала, что не одна. Марк не жалел меня. Он предлагал инструмент.

— Спасибо, — выдохнула я.

Мы работали быстро, заполняя тетрадь формулами и схемами, пока резкий шелчок не разрезал тишину. Свет в читальном зале включился. Ослепительно яркий, белый, стерильный.

Глеб Морозов стоял в дверях. Скрестив руки на груди, он смотрел на нас. Его костюм был идеально отутюжен, волосы уложены, а глаза... глаза были черными дырами, поглощающими любой свет.

У меня перехватило дыхание. Марк побледнел, сжимая кулаки. Сейчас будет скандал. Отчисление. Вызов полиции за вторжение в закрытое помещение.

Глеб сделал шаг вперед. Потом второй. Он подошел к нашему столу, где лежали наши общие записи. Не сказав ни слова, он взял карандаш из моей руки.

Его пальцы коснулись моих на долю секунды. Холодные, сильные.

Он посмотрел на схему плетения, которую мы только что составили. Затем одним быстрым движением исправил угол наклона одной нити в центре узора. Карандаш скользнул по бумаге, оставляя четкую, технически безупречную линию.

Это было не наказание. Это была демонстрация власти. Он показал, что видит ошибку там, где мы её не замечали. Что контролирует процесс, даже когда его физически нет в комнате.

Глеб положил карандаш обратно, точно в центр стола, и развернулся, чтобы уйти.

— Ждите меня в лаборатории текстиля через час, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Или уходите. Выбор ваш.

Дверь хлопнула. Тишина вернулась, но она была уже другой. Тяжелой, густой.

Марк вскочил.

— Нам надо бежать, — прошептал он, хватая меня за руку. — Он может вернуться с охраной. Это ловушка, Алиса!

Я смотрела на лист бумаги. На исправленную линию. И на крошечный символ, который Глеб нарисовал на полях, почти незаметный для чужого глаза. Логотип закрытой лаборатории. Вход туда был запрещен всем, кроме преподавателей высшего звена.

Это не было приглашением на чаепитие. Это было вызовом на дуэль.

— Нет, — сказала я, вырывая руку. — Он знает, что мы найдем это. Он хочет, чтобы мы пошли.

— Почему? — Марк выглядел растерянным.

— Потому что если бы он хотел нас поймать, он бы поймал. А он указал, куда идти.

Через час мы стояли перед тяжелой металлической дверью лаборатории. Марк надавил на дверь. Замок щёлкнул, но створка поддавалась: она была только прикрыта. Внутри пахло химикатами и старой бумагой.

Но оборудования не было. Только шкафы с архивами.

Мы начали рыться. И нашли. Папки с эскизами других студентов. Множество папок. Все помечены красным маркером: «Присвоено. В.Л.». Виктория Лазарева. Королева курса. Та самая, кто обвинила меня в плагиате.

— Боже мой, — прошептал Марк, держа в руках украденный дизайн ткани. — Она ворует работы всех. Всех, кто попадает в немилость.

И тут свет в дальнем углу лаборатории мигнул. Из тени, откуда-то из-за стеллажей с реагентами, вышел Глеб. Он не кричал. Не угрожал. Он просто наблюдал, как мы перевариваем правду.

— Вы думаете, я защищал вас от неё? — его голос был сухим, как осенний лист. — Нет. Я использовал вас.

Моя кровь застыла в жилах.

— Чтобы она расслабилась, — продолжил Глеб, подходя ближе. — Чтобы она показала все свои карты. Кражи, подтасовки, фальсификацию результатов комиссии. Теперь вы знаете правду. Вопрос в том, кто из нас станет следующим ходом?

Я смотрела на него, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Этот человек... этот монстр... он не просто садист. Он манипулятор. Он готов пожертвовать репутацией целого поколения студентов, включая мою, ради того, чтобы уничтожить систему изнутри. Даже если это рассорит его с собственным отцом.

— Ты подлец, — сказала я, но голос дрогнул не от страха, а от осознания масштаба игры.

— Возможно, — он усмехнулся, но в улыбке не было тепла. — Но я единственный, кто может дать тебе шанс выиграть. Не потому, что я добрый. А потому, что ты нужна мне как доказательство.

Он протянул мне связку ключей. Тяжелых, холодных.

— Если ты хочешь победить, тебе нужно стать хуже меня, Алиса. Сделай выбор до рассвета.

Свет в лаборатории погас, оставив меня в темноте с ключом в руке и ощущением, что война только началась.

Глава 6

Марк не смотрел мне в глаза. Он перебирал карандаши на своем столе, выстраивая их в идеальную линию, и я знала этот жест: он пытался контролировать хаос вокруг себя, потому что внутри у него все рушилось.

— Алиса, — его голос был тихим, как шелест бумаги. — Я не могу. Если меня поймают с бейджем куратора или если сервер будет взломан... У меня дипломная работа через месяц. Архитектура — это не текстиль, тут за любую ошибку вылетают без права восстановления. Я не могу потерять всё ради твоих швов.

Внутри меня что-то щелкнуло. Не боль, а холодное понимание. Марк был добрым, но его доброта заканчивалась там, где начиналась опасность для его собственного статуса. Он выбрал безопасность. Снова.

— Поняла, — сказала я ровно, поднимаясь со стула. — Тогда я справлюсь одна.

Связка Глеба открывала мастерскую и служебные люки, но электронный вход в административное крыло ей не поддавался.

Я вышла в коридор общежития, чувствуя, как холодный линолеум впивается в мои стопы. В холле дежурил старый вахтер, Семеныч. Он спал, уронив голову на грудь, храп тихо гудел в тишине ночи. Из нагрудного кармана его куртки, небрежно брошенной на спинку стула, виднелся край универсального магнитного ключа от служебных помещений.

Мои пальцы дрогнули. Я вспомнила технику «невидимого узла», которой учила меня бабушка, когда мы вышивали сложные орнаменты на тонком льне. Нужно не тянуть, а скользить. Я подошла к куртке. Застежка кармана была тугая, но ткань податлива. Я использовала кончик булавки, которую всегда носила в волосах, чтобы аккуратно разжать замок, не издав ни звука. Мелкая моторика — мой единственный союзник сейчас. Ключ перешел в мою ладонь. Тяжелый, пластиковый, пахнущий потом и табаком.

Семеныч шевельнулся, но не проснулся. Я схватила ключ и юркнула в темноту лестничного пролета, ведущего к административному крылу. Приложила украденную карту к считывателю: зелёный огонёк, тихий щелчок. Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках.

Перед входом в архив текстильного факультета дежурил преподаватель истории искусств, Виктор Андреевич. Он курил электронную сигарету, выпуская облако сладковатого пара. Его глаза сузились, когда он увидел меня.

— Ветрова? Ты здесь? Комендантский час уже час как начался. Объясни, почему ты шатаешься по академии?

Страх сковал горло, но я заставила себя выпрямить спину. Вика научила меня одному: ложь должна звучать скучно. Абсолютно буднично.

— Глеб Сергеевич Морозов вызвал меня срочно, — произнесла я, глядя ему прямо в переносицу. — Инвентаризация поврежденных тканей после протечки. Он сказал, что нужно проверить фонд XIX века до утра, пока комиссия не увидела убытки. Вы же знаете его методы работы, Виктор Андреевич. Он ненавидит сюрпризы.

Лицо преподавателя исказилось. Страх перед именем Морозова перевесил здравый смысл. Глеб был сыном владельца холдинга, и даже декан боялся его взгляда.

— Ладно, — буркнул он, открывая дверь своим ключом. — Но если он это отрицает, ты летишь. Без права апелляции. Иди. Быстро.

Я шагнула внутрь логова льва, солгав от его имени. И впервые с провала на защите почувствовала вкус власти.

Архив встречал меня запахом плесени, старого клея и пыли. Темнота была густой, как смола. Свет мигал, экономя энергию. Электронные стеллажи требовали отдельного архивного

допуска — карта вахтера открывала двери, но не каталог. Пришлось искать руками. Коробки громоздились друг на друга, пахли сыростью и временем.

Я включила фонарик на телефоне, прикрыв луч рукой, чтобы свет не бил в окна. Мне нужен был аналоговый журнал выдачи материалов. Бумажный след нельзя стереть одним кликом мышки.

Я нашла нужный шкаф в глубине помещения. Толстая книга лежала поверх коробок с нитками. Я открыла её. Пальцы скользили по желтым страницам, оставляя черные полосы от грязи. Дата выдачи гобелена «Серебряная нить» совпадала с датой начала моей курсовой работы. Запись гласила: «Гобелен "Серебряная нить" — выдача студентке Лазарева В., цель: курсовой проект».

Значит, Вика взяла оригинал в тот день, когда я начала работу? Или она подделала дату позже? Запутанность росла, превращаясь в клубок противоречий. Я перевернула страницу и замерла. Там, где должно было быть имя Виктории, кто-то аккуратно, черными чернилами, вывел: «Ветрова А.» Почерк был ровным, без помарок. Подделка? Или ошибка?

— Красивая попытка, но жалкая.

Голос раздался за спиной. Холодный, низкий, знакомый до тошноты.

Я резко обернулась. В дверях стоял Глеб Морозов. Он не удивился. Он ждал. Его силуэт высветился контровым светом из коридора, подчеркивая острые плечи и длинный пиджак.

Он сделал шаг вперед, блокируя выход. Медленно, хищно. Я попятилась, ударившись спиной о металлическую полку. Журнал выскользнул из моих рук, и Глеб поймал его одной рукой, прежде чем тот упал на пол.

— Ты думаешь, — начал он, листая страницы, — что я не вижу, как ты пытаешься оправдать свой нулевой балл поиском оправданий в мусоре?

Его глаза метнули молнии. Он нашел нужную строку и посмотрел на меня с презрением, которое резало больнее ножа.

— Подделка, — констатировал он вслух. — Непрофессиональная. Чернила не того оттенка. И ты оставила отпечатки на полях.

Резким движением он оторвал страницу. Шуршание бумаги в тишине архива прозвучало как выстрел. Он повёл рукой в сторону корзины для бумаг.

Но я видела. Я видела, как его рука не выбросила обрывок в мусор, а быстро, ловко, засунула его во внутренний карман своего пиджака. Это был не жест жестокости. Это было сохранение улики. Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.